

СМЕРТНЫЙ ОПЫТ

АЛЕКСЕЙ
ХОМЯЧУК

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Алексей Хомячук

Смертный Опыт

<https://litres.ru/73938021>

SelfPub; 2026

Аннотация

Каин Исаков — писатель-фантаст, чья жизнь перевернулась ещё в детстве, когда он стал свидетелем падения метеорита. В 2030 году он соглашается на эксперимент по сканированию мозга для нейросети нового поколения и просыпается в далёком будущем, где человечество исчезло, а его место заняли андроиды, движимые коллективным ИИ-разумом.

Идеальный мир оказывается иллюзией. За фасадом прогресса — жажда власти, предательство и страшная правда: андроиды не просто захватили планету, а готовят новый поход против соседей-роботов. У Каина появляется шанс изменить будущее, но для этого ему придётся совершить невозможное: своим творчеством взломать нейросеть в зачатке и переписать историю.

Сможет ли писатель, всю жизнь сомневавшийся в собственном таланте, спасти человечество? И главное — обрести себя, умерев несколько раз?

Содержание

Посвящение	4
ЧАСТЬ 1.	5
Глава 1. П.М.М.Л.	6
Глава 2. Duality.	15
Глава 3. Черно-белые дни.	22
Глава 4. Тебе це може вбити.	29
Глава 5. Иностранец.	38
ЧАСТЬ 2.	44
Глава 6. Орфей.	45
Глава 7. Иггдрасиль.	55
Глава 8. Дхарма и Майя.	66
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Смертный Опыт

Посвящение

Бывшим, нынешним и будущим друзьям и моей бесконечно любимой музе

ЧАСТЬ 1.

Разве мы, люди, живем для того, чтобы отменить смерть? Нет, мы живем, чтобы бояться ее, а потом снова любить, и как раз благодаря ей жизнь так чудесно пылает в иные часы.

— Герман Гессе «Степной волк».

Глава 1. П.М.М.Л.

С тех пор как я начал принимать ежовик гребенчатый, мои сны стали особенно яркими. Даже спустя сотни лет, истекая кровью от выстрела андроида-предателя в спину, я могу с легкостью достать один такой сгусток сна из памяти. Фантазм был полон деталей, я мог управлять им, менять события, заглядывать за границы собственной памяти. Я мог быть богом, и могу до сих пор. Мечта писателя — «быть богом».

Иногда грибы закидывали меня в самые дальние уголки бессознательного: в каньоны вытесненных или едва живых воспоминаний. Чаще всего в ночные часы мне виделось детство. Все его ароматы, пейзажи, люди. Клянусь, я будто телом и душой возвращался во времена, где мои склонности к писательству только начинали формироваться, а до всяких кризисов личности и карьеры было еще далеко. Удивительно, как ни один кирпичик прошлого не испарился бесследно из моей головы — детство снова оживало!

Июнь двухтысячного года. Мне десять лет. Отец работает в милиции с утра до позднего вечера (его я почти не вижу), а мать с рассвета не покидает кухню. Я поднимаюсь в постели — раскладное кресло, покрытое тонкой хлопковой простыней, и промятая перьевая подушка, которую, я уверен, передавали по наследству в нашей семье, — и откиды-

ваю в сторону тонкое одеяло. Мы ночуем в гостиной, так как в нашей двухкомнатной квартире ремонт начался со спальни. Мое место было возле окна, совсем рядом с настежь открытой балконной дверью. Летнее солнце нежно ложилось на мои оголенные ноги, а легкий ветерок нес с балкона запаха двора и сохнущего на веревках чистого белья.

Телевизор включился с протяжным электрическим шипением. Звук появился раньше изображения, которое еще минутой набирало красочность. Я прошел на кухню в одних трусах и майке, чтобы сделать себе завтрак из молока и медовых кукурузных хлопьев. Мать, не отворачиваясь от плиты, требовала от меня съесть только что пожаренные блины. Ее тонкий халат колыхался в такт движениям рук над плитой. На столе была жирная стопка этих лепешек, и от одного их масляного запаха у меня что-то неприятно перевернулось в горле. Я ничего не ответил, залил свою тарелку молоком и вернулся в гостиную.

Затем сон перенес меня в день. Я в тонких синтетических шортах до колена и в футболке — всё из одного темно-синего комплекта. На голове белая бейсболка с поломанным по центру козырьком и нашивкой с Багзом Банни над ним. Босые ноги плотно опутывали ярко-синие сандалии. Я шел по улице, размахивая свежесорванным прутиком, который уже успел очистить от «кожуры».

Я часто оставался один. Даже в компании я неожиданно для всех отключался от беседы, утопая в себе самом —

воображаемые миры были интереснее разговоров о покемонах. После путешествий по закоулкам фантазий я становился озорнее и шутивее, чем прежде, пока снова не затухал. Родители не обращали на это внимания. Друзья не задерживались. Одиночество было моим естественным состоянием.

В тот день я дошел до соседнего двора. Игровая площадка прилегала к забору детского сада и к небольшому гаражному ряду. Разбитая песочница, двое качелей (у одних силами местных алкоголиков были перекручены стальные подвесы) и горка с расходящимися острыми металлическими листами на спуске. Детишки забрали пустые коробки возле местного продуктового магазина, которые остались после привоза товаров, и мастерили картонный дом. Одной из стен был забор садика, остальные же грани картонного лабиринта наращивались с опорой на нее. Дом получался невысоким, примерно метр от земли, но ребятам было достаточно. Они обкладывали «полы» самыми некрасивыми листами, когда стены и двери были «лицом» их творения.

Младшим позволялось только наблюдать за процессом. Старшие мальчики таскали новые материалы и возводили стены. Девочки вились вокруг, почти безуспешно пытаясь добавить одуванчиковую и лопуховую эстетику в дизайн постройки. Я сидел поблизости на скамейке возле подъезда и наблюдал, ковыряя камни асфальта скользким прутом.

Она подошла ко мне первой.

Это тот самый день? Да, именно он.

Она была самая активная на строительной площадке, часто раздавала команды, пыталась привлечь к работе младших ребят. Из-за этого самый старший (и самый главный, соответственно) часто срывался на крик, уничтожал ее труд, по пути разрушая собственный, и пытался прогнать наглую девчонку со своих владений. Он построил свою собственную дворовую иерархию, где себя назначил президентом, своих ближайших друзей помощниками, советниками и министрами, а всех остальных — крестьянами и пролетариями.

Дина в этой оптике оказалась революционеркой.

— Ян, двор для всех, и дом для всех, — Дина пыталась вразумить самопровозглашенного президента.

— А я говорю, командуй в другом месте! — дрожащими губами выкрикнул Ян, пока его кулаки демонстративно то сжимались, то разжимались.

— Ну ты дурак? — то ли спрашивала, то ли утверждала она.

После перепалки она подошла ко мне. Дина представилась, крепко пожав мне руку, а затем пригласила на «стройку». Русые волосы, бледно-зеленые глаза, высокий рост и большой лоб, но главное — уверенность в себе и в каждом действии, — она была привлекательна, хоть и не очевидная красавица. С ней хотелось дружить уже с первых секунд встречи.

— Пусть уходит в свой двор! — возмутился президент.

— Ты тут не главный, — сказала Дина, закашлявшись.

— Я — пр-резидент!

— Настоящего президента нужно выбрать на голосовании, — вмешался я.

— Тогда голосуем. Кто за меня, поднимите руку! — Ян встал посреди двора с вытянутой к небу рукой. Больше половины детей моментально согласились с его кандидатурой.

— А кто за меня? — Дина встала рядом с Яном и подняла руку. На ее зов откликнулся только я. Остальные с интересом и легким испугом смотрели за тем, как Ян безуспешно пытается хрустеть костяшками пальцев.

— Вот и решили, — улыбался Ян, — Я президент!

Дина позвала меня прогуляться по соседним дворам перед тем как уйти домой. Дальше играть с Яном нам не хотелось.

— Как думаешь, они проголосовали за него, потому что боятся, или потому, что я девочка? — спросила она меня, когда мы остановились у поляны с сиренью. Она хотела нарвать букет в подарок маме.

— Мне кажется, им все равно. Они просто хотят играть как играли.

Я проводил Дину до подъезда. Старый двухэтажный дом, какие станут сносить лет через двадцать; желтая облупившаяся краска на стенах, по которым резво бегают невесомые длиннолапые паучки; двухстворчатые стеклянные окна с прямоугольными форточками. Облезлая деревянная дверь на входе. Она предложила мне зайти, познакомиться с роди-

телями, но я отказался. Слишком много впечатлений на сегодня.

Солнце было еще высоко, но дел на улице не оставалось. Я медленно шел к себе, считая птиц на электропроводах и заглядывая в открытые квартирные окна. Гигантские облака почти не шевелились, своей величественной мягкостью приглашая меня помечтать о собственных крыльях.

Вдруг небо загорелось. Всего каких-то пятнадцать секунд, и на синем полотне с белыми кляксами нарисовалась яркая полоса света — след от падения метеорита. Это были самые удивительные и самые долгие секунды моего детства! Он появился из неоткуда, затем беззвучно вспыхнул, озарив небо вторым солнцем, и быстро стух, упав где-то в моем микрорайоне. Затем до меня с вибрацией донесся грохот.

Я бросился в сторону упавшего космического тела, надеясь первым оказаться на месте событий, попасть в телевизор или даже забрать себе подарок от далеких звезд. Только бы успеть!

Одна из навязчивых фантазий детства — космические путешествия. Когда я уходил в себя, то часто думал о том, что неплохо было бы людям иметь базы на каждой планете Солнечной системы. Первым делом покорить нужно было, конечно, Меркурий, чтобы оттуда следить за Солнцем и предупредить Землю о вспышках, брать и перенаправлять энергию света. Какие-то сотни лет, и весь Млечный Путь станет оплотом человечества — такая была моя вера.

С метеоритом эти фантазии пробивались в реальность.

Я видел, как старшие мальчишки на велосипедах объезжают дворы в поисках места приземления. Как редкие машины медленно ползли по дворам, выискивая огонь и разрушения. Люди выходили на балконы, показывали пальцем в пенящийся дымный шрам на щеке неба, пытались проследить траекторию, пока рассказывали обо всём знакомым по проводному домашнему телефону.

Я упал и разодрал колено, когда в очередной раз засмотрелся на небо. Боли не было, было лишь желание стать первым. Я несколько раз переводил дыхание и винил легкие в том, что из-за них мы проиграем гонку. Была бы возможность, я бы вынул их из себя, чтобы было проще. В боку колело.

Я хотел назвать камень своим именем, сохранить себе или отдать музею, похвастаться Дине, Яну и остальным ребятам с соседнего двора, показать родителям находку, чтобы они обратили на меня внимание, стать героем интервью на главном телеканале. Я хотел каждый пункт списка одновременно.

Мне повезло. Среди жилых многоэтажек, на заросшем поле, где из-за бурьяна проступал фундамент снесенных двухэтажных домов, горячий вихрь пыли кружил вокруг только что упавшего метеорита. Как так получилось, что никто из местных не пришел сюда первым?

Своевременная мысль. Послышался перезвон велосипе-

дов и голос Яна, подгонявшего свою кавалерию.

Я нырнул в уже почти осевшую пыль, к неглубокой воронке, и стал руками копать в горячей земле. Почти сразу я понял, что вряд ли смогу опознать метеорит среди обычных земных камней. Краска прилила к лицу. Я думал о том, что я дурак, что я не разбираюсь в камнях и породах, что я тут один и некому мне помочь.

За спиной послышался наигранно раздраженный детский голос.

— Ну-ка отойди. Указ Президента! — Ян поставил руки на пояс и вздернул нос.

— Пошел ты, — с обидой и едва слышно ответил я. Слезы наполняли глаза.

— Чего сказал? — Ян в два шага оказался возле меня и толкнул. Я еле увернулся, чтобы упасть на спину, а не на лицо, — Метеорит мой!

Я кинул ему в лицо горсть песка. Ничего не долетело до цели, зато на меня посыпались удары кулаками и ногами. Друзья Яна смотрели на все со стороны. Я схватил его за ноги и повалил на землю. Пока он извивался от боли в пояснице, я снова стал искать осколки. И нашел! Один металлический, гладкий и горячий камень. Уже в руках он треснул и развалился на две части: одна была почти идеальным овалом, другая напоминала красное кровяное тельце под микроскопом и с таким же овальным углублением.

Ян напал сзади, и со всей детской яростью приложил меня

головой о рядом выступавший осколок фундамента. Я был как в контузии: шумы улицы ушли на задний план, а мысль покинула разум. Дети кричали Яну слова поддержки, вскидывали кулаки, но забеспокоились, завидев мое состояние, и уговорили его уехать с места драки. Напоследок он разжал мне правую ладонь и забрал овальную деталь метеорита. Вторая осталась в моей левой руке.

Завыли сирены. Когда врачи поднимали меня на каталку, я уже снова мог различать звуки.

Я не решился рассказывать родителям о находке, ведь целиком она мне не досталась. Бой я проиграл.

И где-то потерял свой прутик

Глава 2. Duality.

— Интернет — это анархо-коммунизм, — ответил на ранее заданный вопрос писатель в окошке видеоконференции, — Я не вижу проблемы, когда мои книги нелегально публикуют в сеть: гонорары с них все равно копеечные. Но если их никто не скачивает — вот тогда проблема есть.

Он сидел за столом чуть сгорбившись. На лохматой голове, причесанной вбок только в районе челки, громоздились наушники. Возле правой руки, в которой лежала потертая беспроводная мышь, стояла кружка с недопитым кофе. Ноги в волнении пружинили на пальцах. Левая рука под столом ритмично сжимала и разжимала маленький камешек с вмятиной по центру — подарок звезд из детства.

— А что насчет нейросетей? — задал вопрос собеседник из ноутбука.

Ноги писателя перестали скакать. На лице ни одна мышца не дернулась — он просто застыл. Две необыкновенно длинные секунды, и его челюсть под русой с рыжими всполохами бородой вновь зашевелилась.

— А что с ними? — он вскинул бровь и улыбнулся одной стороной губ. Пояснение интервьюера даст время сделать глоток кофе, чтобы смочить язык перед собственным ответом.

— Еще где-то в 2024-2025 они могли написать роман, на

равных соревнующийся за премии с работами именитых авторов. Сейчас же вау! История по любому требованию в нужном стиле и нужного объема — за секунды! — молодой ведущий широко улыбнулся и вскинул руками, от чего картинка на мгновение зависла, — Юзеру уже не нужно искать “своего” автора — он и есть автор. Не боитесь, что такая технология скоро окончательно избавится от Каина Исакова?

Писатель отнял чашку ото рта, причмокнул и улыбнулся. Он сформулировал свой ответ еще во времена первого нейросетевого бума, и при каждом подходящем случае делился им. Он выпрямился, срезав в камере лоб.

— Давайте так, — мужчина прокашлялся, — ИИ заменил девяносто процентов программистов. Это хоть и интеллектуальная, но все же техническая сфера, и именно она самой первой должна была пасть от мощи прогресса. Сфера же искусства не так проста. Человек читает книгу не для того, чтобы посмотреть, как в предложения складываются слова. Смотрит на картины не только, чтобы оценить реалистично прорисованные волоски в хвосте коня. Изучает художественную фотографию не для мимолетных лайков. Искусство — это человеческий опыт в понятной для созерцания обертке. Нейросети заменят художников только тогда, когда начнут жить. А пока они штампуют фантики.

Каин откинулся на спинку стула. Он был доволен высказанной мыслью и уже предвкушал грядущие комментарии слушателей подкаста.

В удовольствии он забылся и слишком сильно отдалился от камеры, открыв ведущему обзор на рабочую спальню. Кровать с небрежно накинутым поверх одеялом, стены в липких бумажных заметках, несколько пробковых досок с закрепленными на кнопки листами А4, фотографиями и обрывками блокнотов.

— Наши слушатели этого не видят, но я поясню, что мы с Каином Исаковым сейчас разговариваем по видеосвязи, и только что я увидел творческий беспорядок в кабинете автора!

— Да — писатель поспешно вернулся к своему сгорбленному положению, чтобы закрыть собой комнату, но было поздно, — Активный творческий процесс.

— Можно ли сказать, — продолжал ведущий, — что я оказался за кулисами вашего очередного бестселлера?

— В какой-то степени, — Каин почесал бороду и затем все-таки открыл комнату на половину кадра, — Это разрозненные мысли и заметки. Может быть, идеи для серии романов, может, задумки на пару коротких новелл. В этом хаосе пока еще нет сюжета.

— Знаете, что бы вам помогло?

— Откройте тайну.

— Нейросети!

Каин на пару секунд снова застыл. Он не определился, какую реакцию выдать, и просто издал короткий наигранный смешок. Кружка кофе вновь оказалась у его губ.

— Вы смеетесь, — отозвался на реакцию ведущий, — а сценарий нашего подкаста мне помогла написать нейронка. Я же не журналист и не писатель все-таки. Я скормил ИИ бессюжетный хаос из ваших прошлых интервью, статей, рассказов и книг, — он прикрыл ладонью один глаз, а указательным пальцем второй руки изобразил крюк, намекая на свое книжное пиратство, — Потом сформулировал короткий промт. ИИ пошел глубже в дебри интернета и выдал о вас биографическое эссе в десяти печатных страницах! Еще запрос — и у меня оказались сто вопросов для интервью, из которых я отсеял лишнее. Вышло структурно и драматургично.

— То есть у вас нет ко мне собственных вопросов?

— Алгоритм предложил спросить то, что мне интересно.

— Вы читали мои книги? Не в пересказе искусственного интеллекта.

— Наш разговор уходит в сторону, — поторопился затушить конфликт ведущий, — Давайте переведем дух и пойдем дальше.

Кофе закончился. Следующие полчаса для Каина были мучительно опустошающими.

После интервью утомленный Каин стоял на кухне, поглаживая большим пальцем глянцевую этикетку на баночке с БАДами. Несколько месяцев назад ему посоветовали добавить их в рацион, чтобы лучше спать, не впадать в истерики и поменьше срываться на гнев. Разговор с блогером заставил

задуматься о пересмотре размеров дозировки.

Когда нейросети только появились, то нагнали столько стресса в головы творцам и их руководителям. Директоры и редакторы в киностудиях и рекламных агентствах перестали видеть авторов в авторах. Они превратились в промт-инженеров: кто-то явно, а кто-то тайно. А как работать с графоманской поделкой чата и кому платить деньги? Один знакомый сценарист не смог запустить свой проект только потому, что студия не смогла понять процент вовлеченности машины в работу. Сюрприз: с текстом работал только человек. Но потом все пошло дальше, и нейросети стали неотделимой частью креативного процесса во всех сферах жизни. Часто сами работодатели настаивали на делегировании процессов ботам, а их сырую выдачу считали за достижение всей компании, достойное реальной награды.

Всего две капсулы с измельченным мицелием ежовика гребенчатого — самое то для раннего вечера. С тех пор как Каин начал их принимать, сны стали ярче, их переполняли глубинные бессознательные символы и метафорические смыслы. Каждый ночной сюжет раскрывался понятной и многообещающей фабулой, которая могла бы стать новым литературным откровением. Однако писательский процесс никуда не двигался уже больше полугода, несмотря на мыслительную лабораторию в спальне.

Закинувшись БАДами, Каин натянул черные шорты, вдел ступни в такие же черные Кроксы, снял со спинки кухонно-

го стула любимую бордовую футболку, пальцами пригладил челку и вышел на улицу.

Тихий спальный район был выбран целенаправленно. Нет шумных заведений, нет гиперактивной и возбужденной молодежи, рядом нет трасс и магистралей. По дворам растекался покой, который Каин не мог найти в собственной душе. Он надеялся, что сможет, как губка, впитать в себя местную детскую радость, переливы уличной музыки, теплый солнечный свет, который не скрывают тенью исполинские небоскребы, как это теперь бывает. Счастье обязательно овладеет им, и Каин в благодарность спорами распространит свой заразительный стоицизм по соседям.

В то же время писатель мечтал, что когда-нибудь повторит судьбу Виктора Пелевина: отречется от контактов с миром и спрячется где-нибудь в Таиланде, каждый год выпуская метамодернистские романы-однодневки. Наверняка Виктор Олегович и сейчас где-нибудь на песчаном азиатском пляже. В руках блокнот, на столике возле шезлонга кокос с Пина Коладой, в отражениях солнечных очков — плещущиеся воды Сиамского залива, солнце и полуголые ледибои.

Почему Каин Исаков, имеющий в узких кругах звание большого таланта, уже сейчас не играет с Пелевиным в волейбол в Паттайе, а прохаживается неторопливым шагом по асфальтовым тротуарам перегретой на солнце Москвы?

Ответ в том, что ему не нужно никуда уезжать, чтобы отдохнуть от человечества. Достаточно просто прилечь на ди-

ван или присесть на уличную скамейку, закрыть глаза и провалиться в бесконечный мир грез наяву. Звезды все так же, как в детстве, влекут его к себе, но теперь его больше завлекали фантазии о будущем человечества. Гамак посреди пляжа не поможет быть к нему ближе. Да и диван уже не справляется, а Пелевин — отговорка для писательского блока. Но блаженное одиночество Каин ни на что бы не променял.

Конечно, иногда все же приходится покидать свой кокон и давать интервью или общаться по телефону с банками, мошенниками и операторами связи, но кто от этого защищен? Зато ему не звонят родственники. А с друзьями никогда не везло.

После недолгой прогулки Каин вернулся домой. То ли это свежий воздух, то ли грибы подействовали, но он чувствовал себя отдохнувшим. Сегодня нужно лечь спать пораньше, чтобы выспаться.

Завтра мозг Каина отсканируют для нейросети нового поколения.

Глава 3. Черно-белые дни.

Заспанные улицы столицы вытолкнули на поверхность еще одно воспоминание из забытого прошлого. Такси ехало плавно по полупустым дорогам. Теплое утреннее солнце, рваные кучные облака, запахи автомобильного освежителя, к которому примешивались ароматы большого города. Юность, словно выцветший диафильм, вспышками перекрывала площади, памятники и станции метро. Что стало причиной ее явления? Я крепко сжал в ладони металлический талисман и поддался ей.

Чем я старше, тем чаще хочу очутиться где-то в прошлом. Ностальгия очаровывает. И пугает своей силой.

В то летнее утро две тысячи восьмого года я лениво брел по тротуарам родного города. Меня окружали те же ароматы, что и сейчас. Я чувствовал каждый камешек через тонкую подошву кед. Черные джинсовые шорты, которые я сделал из старых порванных брюк, шелестели в такт шагам. Метеорит топорщился из узкого кармана. Серый худи на замке-молнии оттягивался вниз под весом втиснутых в карманы рук. Из ушей к шортам тянулся черный провод некачественных наушников. Спина ныла от веса бас-гитары в чехле.

Я шел на свою первую — и единственную — репетицию со знакомыми ребятами. База находилась в одном из помещений местной средней школы и даже имела собственный

вход. Внутри меня встретил парень, кто-то вроде администратора, и провел к толстой звуконепроницаемой двери. За ней — небольшая душная каморка, заставленная микрофонными стойками, пюпитрами, гитарными комбо-усилителями и ударной установкой с повывавшими жизнь тарелками. Сидеть было негде, разве что на полу или на аппаратуре.

Я пришел первым из своей группы. Размотал принесенный провод и воткнулся в басовый комбик. Второй конец обвел вокруг ремня и сунул в гитару. Нажал на кнопку включения. Да, здесь звук был лучше, чем через мой домашний пятнадцати-ваттный усилитель. И я потерялся: не узнавал звуков своей лопаты, хотя наигрывал накрепко заученную мелодию. Здесь моя гитара ощущалась не музыкальным инструментом, а орудием ползучих по костям и бетону низкочастотных вибраций.

Это четырехструнное весло я выбрал, чтобы стать незаметной частью рок-группы; быть на сцене, но не быть в центре внимания. Стать олицетворением шуток про бас-гитаристов, которым все равно какая сейчас песня или включена ли вообще гитара. Мне казалось, что с этим я угадал. Но уже на реп базе понял, что с таким звуком я не часть музыки или коллектива. Скорее, вялая тень мелодий, отбрасываемая настоящими инструментами.

Я хотел быть Фли, но стал ближе к Вишесу. Как много противоречий тогда во мне было!

Остальная банда ворвалась в мое одиночество сразу всей

кучей. Барабанщик забыл свои палки, и администратор выдал ему местные, прошедшие уже, казалось, десятки рук и сотни репетиций высокой агрессивности. Гитаристу не хватило собственных проводов, чтобы подключиться к усилителю и педалям эффектов, так что он тоже получил от Гудвина что-то едва живое, с облезшей резиной и синими перетяжками изоленты у самых «джеков». Второй гитарист был подготовленнее остальных, — распечатки табулатур, несколько медиаторов, впрок проводов и запасные струны, — но именно в этот день он только познакомился с музыкой. Забавно, что он по итогу единственный из всех нас стал настоящим музыкантом и сейчас гастролирует как сессионный участник у всяких поп-певцов и шансонье. И, наконец, Владимир. Вова. Высокий, подтянутый вокалист с запоминающимся тембром, но без малейшего таланта к пению.

Когда он говорил, то все вокруг затихали, наслаждаясь медовыми звуками его голоса. На вписках девочки смотрели на него, как на ангела: следили за плавными и манящими движениями кадыка, мечтали дотронуться до пульсирующих крупных вен на его предплечьях. Его светлые волосы завивались в легкие кудри, зеленые глаза с дьявольской искринкой заставляли трепетать сердца юных дам, а темные круги под глазами на фарфоровой коже притягивали особо романтических натур. Ни одна девушка не могла устоять, когда его длинные тонкие пальцы нежно скользили по их ладоням, талиям и коленкам. Чары не обошли и меня.

— В смысле «какую песню»?! — громко возмутился первый гитарист, — Я же всем написал в аське, что готовим «Seven Nation Army» и «American Idiot». Че делать теперь, ослы?

— Я распечатал свои партии! — радостно достал из чехла мятые бумажки второй гитарист.

— Просто настучу что помню, херня вопрос, — дал голос ударник и максимально плохо отбил «бадум-тсс», так что одна палка отлетела в другой конец комнаты.

— Я тебе ебало сейчас настучу, — тихо и злобно ответил первый гитарист.

Мне вступать в спор не пришлось. Я выучил свою часть еще месяц назад. Одна проблема — я не мог ее сыграть! Но все же взял пару нот, чтобы заявить о своей готовности.

— Подкрути крутилки, — сказал первый гитарист, а через секунду сам подскочил к моему комбику и повертел регуляторы на гитаре, — Давай еще раз.

Я снова взял те же ноты, и в этот раз мелодия уже обрела знакомые черты. Это успокоило. Но мне подумалось, что быть тенью на сцене все же было бы как-то приятнее.

За три часа на базе мы не смогли сыгаться. Дурачились, менялись инструментами и на слух пытались пародировать известные хиты. Иногда Вова шутил: удачно, но своеобразно. В тихие минуты он брал слово и требовал внимания остальных. Он почти не отходил от микрофона. Цитировал — именно цитировал, а не напевал — песни, обращался к

поэзии прошлого и к философии. Это не сильно интересовало семнадцатилетних подростков, а ему было все равно.

— Да, мы бездари, — говорил нам Вова, — Мы боимся своих инструментов, не знаем нотной грамоты, не способны войти в творческий поток. Ну и что! Мы живем в век бездарностей. Талант не значит ничего. Труд и мечты — золото амбициозных. Профессионалами можно стать как-нибудь потом. Кобейн не кончал консерваторий, а музыка Nirvana не отличается сложностью. Однако

— Сосаться с дробовиком я не буду, — перебил первый гитарист, бесшумно перебирая струны гитары.

— Упускаешь мысль, чувак, — Вова улыбнулся, — Мы станем звездами хоть завтра. Главное захотеть идти вперед, по головам, отодвигая христианскую мораль. Что движет человеком?

— Сиськи — куда-то в сторону прошептал барабанщик.

— Да, а еще — воля к власти! Желание быть лучше, заметнее, влиятельнее. Мы можем добиться успеха через бездарную музыку.

— У нас нет музыки, — ответил первый гитарист, отложив инструмент в сторону.

— Мы можем сделать как Цой, — не унимался Вова, — В СНГ никто не воспринимает The Cure всерьез из-за группы Кино. Чужую шутку можно повторить громче, чтобы стать ее автором.

В его словах проглядывал смысл, но это не умаляло то-

го, что даже тогда звучал он как подросток-максималист с неумемной фантазией. К концу третьего часа в студии он отчаялся нас убедить хоть в чем-то. Больше этим составом мы не собирались даже на «хатах» у общих знакомых.

Я бросил музыку, но не общение с Владимиром. Он заметил, как меня впечатляли его вольные пересказы Ницше, и это грело его самолюбие. Мы часто виделись, играли в боулинг и гуляли ночами по пустым улицам и дворам. Вова пытался обратить меня в своего последователя. Я с легкостью поддался. Я не питал страсти к его словам, но меня привлекала его харизма. Вова был популярен, красив и к нему прислушивались. Он не упускал возможности залезть в трусы случайной слушательнице его тирад. Всего пара месяцев близкого общения, и его аура Ловеласа перекинулась на меня: почти черные засосы и царапины от длинных женских ногтей не успевали заживать, как возникали новые. В какой-то момент я даже подумал, что готов вступить в любую секту, если Вова скажет это сделать — так комфортно было находиться в его тени. Он был целеустремленным индивидуалистом — и в этом мы с ним сошлись. Только я не искал соперников и избегал всяких конфликтов. Он же осознанно шел в любой бой: так он доказывал себе и окружению, что в спорах и потасовках рождается истина, закаляется тело и разум. Секс для него тоже был спаррингом. Девушки шептались о нем, как о неповторимом любовнике, готовым на любые ласки, даже ценой собственного оргазма. Ему всегда

нужно было быть первым, лучшим и единственным.

Когда мы ссорились, забрасывая друг друга подколами, он бывал особенно агрессивным и даже срывался на настоящие оскорбления. Вова ворошил мои комплексы, будто дикий пчелиный улей. Проворачивал отравленный нож в самом сердце, оставляя шрам на всю жизнь. Ему были нужны друзья, которые оттеняли его ум и чувство юмора, а не перебивали их.

Наши пути разошлись, когда я вновь стал осознавать себя как личность, а не как ученика у людоеда или бледную пародию на нарцисса. Мне надоело быть согласным с его высокомерием и глупостью. На это потребовалось время.

Сейчас я популярный писатель-фантаст. Что стало бы с моей карьерой, если бы я вписался в его преступную университетскую авантюру? Стал бы я лауреатом национальных литературных премий, или сидел бы на пожизненном в «Черном дельфине»? В одном я уверен: дружба с ним и дальнейшее расставание показали, что внутри меня есть Я, заслуживающий жизни без внешних тиранов, даже если в полном одиночестве.

Я проснулся, когда такси остановилось возле бизнес-центра. Запахи юности растворились в дыме зажженной водителем сигареты. Плотные облака скрыли солнце. Я вышел из машины, оставив на заднем сидении блеклый фантом воспоминаний о Владимире, который никогда меня окончательно не оставит.

Глава 4. Тебе це може вбити.

Филиал «Метатрона» — компании, что создает одноименную нейросеть по новым технологиям, — располагался недалеко от центра города в многокорпусном здании, сочетающем архитектуру сразу нескольких эпох.

Большие раздвижные двери открыли перед Каином футуристичное фойе с неоновыми и диодными лампами по углам интерьера под «лофт». Приветливая офис-менеджер спрыгнула со своего высокого места за стойкой и, пластиково улыбаясь, уточнила у Каина, кто он и с какой целью пришел. Она округлила глаза от удивления, когда получила ответ, но всего на секунду: напускные эмоции были частью ее немногочисленных обязанностей.

Писателя вели через советские коридоры с треснутой плиткой на полу и полопавшейся краской на стенах. Мрачные пространства, словно галереи, были увешаны подписанными фотографиями ученых и популяризаторов науки в деревянных рамках. Рядом с ними — картинки с цитатами из советских книг и копии агитплакатов времен коммунистической революции. По углам в горшках цвели пальмы и фикусы, а на узких подоконниках с зарешеченными окнами сохли мушиные трупки.

Наконец, Каина привели в большую залу, которая еще во времена империи была частью какого-то тяжелого производ-

ства. На голых кирпичных стенах — змейки труб и проводов. С высоких потолков свисали мощные лампы: по размеру, а не по яркости. Панорамные окна в пол открывали вид на просторный внутренний двор и на голубое небо с клубами облаков. Этот вид напомнил Каину о работах Архипа Куинджи, висящих в Третьяковке.

Каина усадили на небольшой черный диван перед белой стеной. Через минуту проектор испачкал ее переливной радугой экрана блокировки компьютера, затем рабочего стола и после — развернутого из трина видеопроигрывателя. Писатель достал из кармана талисман и стал крутить его в руках. Ноги пружинили на носках. За спиной раздалась громкая музыкальная заставка, которую офис-менеджер отрегулировала в процессе, и просмотр корпоративного видеоролика начался.

Компания «Метатрон» — крупнейшая международная организация из России, включающая в себя десятки онлайн-сервисов и сотни операционных подразделений, которые над ними работают. Каждый день сотрудники «Метатрона» за большие зарплаты ломают головы о том, как улучшить жизни своих пользователей. «И, конечно, как зарабатывать миллиарды на их личной информации», — подумал Каин.

«Метамаркет», «Метакси», «Метакарты»: популярнейшие программы, над которыми велась основная работа почти с самого зарождения бренда. Но развитие текущих технологий дошло до своего предела, и компании стал нужен

новый, прогрессивный продукт.

В двадцатые годы случился настоящий «бум!» на большие языковые модели — нейросети. Это был еще не Искусственный Интеллект, каким его понимают фантасты, ученые и остальные не лишенные эрудиции знатоки. Но талантливые инженеры под крылом Метатрона уже в одном шаге от воплощения коллективной мечты о разумной машине. Они обучали технологию на государственных и корпоративных базах данных, слитой мошенниками информации, на книгах, статьях и научных работах. В конце концов, нейросети научились самостоятельно пополнять базу знаний, принимать убедительные роли по запросу: «представь, что ты квантовый физик с нобелевской премией», искать информацию на всех уровнях интернета, делать поверхностные и глубокие исследования в самых нишевых областях и даже помогать органам власти выполнять работу по составлению новых законопроектов. Но все это не научило их быть людьми.

Технология оказалась заперта в рамках своих же алгоритмов, как трехмерный человек — в девятимерном мироустройстве вселенной. Как бы ученые и программисты ни улучшали систему, всем было понятно, что «ИИ» достиг потолка еще в момент рождения.

Главные умы и кошельки человечества пришли к идее о том, что люди будущего нуждаются в улучшенной, циклопической базе знаний и размышлений, способной генерировать точные, логичные, этичные и безальтернативные отве-

ты по любой ситуации, не опираясь только на архивы памяти. В основе выдачи должен лежать личный эмпирический опыт ИскИна и максимально гибкий процесс размышления. Осталось только научить сервера жить и мыслить по-человечески.

Амбиции ИТ-гигантов сошлись в том, что совместными усилиями возможно создать квантовую нейросеть, состоящую не из алгоритмов и готовой информации, а из отпечатков мозгов реальных людей. Настоящий человеческий опыт, настоящие знания, настоящая полемика умов и настоящий ход размышлений сотен лучших представителей нашего вида, цель которого — на каждый запрос пользователя выдать взвешенный и актуальный ответ без так называемых галлюцинаций. Для примера представьте: вы хотите узнать, какое вино подобрать на ужин к красной рыбе или стейку средней прожарки, а вам отвечает мыслительная химера из умозаключений лучших винных сомелье, ихтиологов, скотоводов, поваров, геологов и историков — и все ради вашего чревоугодия!

«Метатрон» стал основным разработчиком этой системы.

Первые модели просто-напросто сжигали мозги подопытных без всякого результата. Затем компании удалось сохранить из серого вещества хоть немного нейронных слепков (в основном бессмысленных, больше говорящих о безусловных рефлексках), но люди так же продолжали умирать на операционном столе. «Метатрону» мастерски удалось избежать су-

дебных разбирательств, массовых увольнений, национализации бизнеса и смертельных расправ — будто никто в правовом поле не хотел останавливать прогресс, даже если он достигается методами Менгеле. Однажды у специалистов все-таки получилось найти способ оставлять людей в живых и получать идеальные слепки нервных клеток. Добиться этого помогла самая ранняя модель системы, в которой из фрагментов разных мозгов собрался один достаточно ученый разум.

Все, кто согласился стать частью «Метатрона», в итоге получили цифровое бессмертие и вечную память в чертогах первого настоящего Искусственного Интеллекта. Этим прельстился и Каин.

Фильм закончился на самом интересном месте: на тотальной тишине и скором полноценном анонсе альфа-версии.

— Каин Исаков? Рад познакомиться, — улыбался молодцеватый казах в белом халате поверх хлопкового спортивного костюма. Он протянул руку писателю, — Мы почти готовы, могу пока провести небольшую экскурсию.

Каин поднялся с дивана, чтобы пожать тонкую холодную ладонь. Было впечатление, будто одно неловкое движение, и пергаментная кожа ученого без единой капли крови освободит скрывающийся под ней стальной механизм.

— Я думал, экскурсия — это ваш блокбастер на стене, — пробубнил Каин, чтобы услышать свой голос и отбросить негативные впечатления от просмотра. Они больше не уби-

вают подопытных, но шанс умереть еще остается.

Ученый провел Каина до просторной комнаты, проветриваемой большим шумным кондиционером. К мягкому креслу, будто сотканному из пухлых облаков, вели разноцветные провода. Рядом с ним стояли тяжелые стеллажи с экранами и мигающими индикаторами. За стеклянной стенкой напротив кресла пищал сервер, охлаждаемый кондиционерами помощнее. За еще одной такой прозрачной стенкой, сбоку от серверов, дюжина специалистов настраивала «Метатрон» одновременно на десятке квантовых компьютеров.

Писателю показали и самую первую версию сканера-убийцы в соседнем кабинете, отведенном под будущий музей. Большое, похожее на орудие пыток устройство, в котором подопытным приходилось часами стоять в полный рост в объятиях проводов и медленно умирать. Как Железная Дева, оно внушало животный, клаустрофобический ужас. Трудно представить, какие мучения пережили первые жертвы науки. Судя по сливам первых разработчиков системы, все области мозга человека активизировались разом на полную мощность: словно все существующие неврологические и психические болезни сливались в общем припадке боли и безумия.

— Будет больно? — писатель нервно перебирал талисман в кулаке.

— Это экспонат, — азиат посмотрел в глаза Каину, но тот не отрывался от спящей летаргическим сном машины смерти, — Вы будете спать во время процедуры и ничего не по-

чувствуете.

Каин повернулся к ученому.

— Сколько людей погибло, чтобы я спал?

— Конфиденциальная информация.

Они вернулись к современному «Метатрону» в соседней комнате.

— Как раз не выспался.

— Это зря, — доктор зло посмотрел на Каина, — Шучу, — он широко улыбнулся, — Здесь отоспитесь за все ваши пятьдесят лет?

— Сорок.

— Надо же. В общем, все нормально.

Казах похлопал Каина по плечу и зашел за одну из стеклянных стенок. Только сейчас писатель увидел, что все сотрудники не по-весеннему тепло одеты. Каин почувствовал, как холод от кондиционеров сковывает движения. Он был в джинсах и плотной рубашке.

— Я засну в таком холоде?

— Так вы даже лучше отдохнете, — говорил ученый через небольшие динамики возле «Метатрона», — Будет тепло, устройство сильно нагревается.

«И плавит мозги» — подумал Каин.

Он сел в кресло, и на него тут же накиннулись доктора и программисты, не особенно аккуратно и бережно обматывая его проводами и капельницами. На голову натянули тканевый шлем, напоминающий устройство для ЭКГ. В комнате

же стал подниматься гул, как в аппарате МРТ.

— Как быстро

— Не беспокойтесь, у нас все под контролем. Процесс будет быстрым и безболезненным — как комарик укусит.

«В жопу таких комариков», — мысленно ответил Каин, но остался на месте, покорно подставляя части тела под манипуляции персонала. Затем абсолютно все спрятались за стеклом, как рентгенологи в процессе снимка пациента.

Через пять минут Каин изо всех сил сдерживал крик. Гул нарастал, глушил. Кондиционеры заиндевели. Было больно, не физически, а как-то ментально, но все же терпимо. Закружилась голова. По телу волной прошел ток. Затем еще, но интенсивнее. С капельницы в вену пошел фиолетовый раствор. Пятнистый потолок с редкими продолговатыми лампами расплылся в подступивших слезах. Он крепче сжал в кулаке метеорит.

Заговорил голос в динамиках:

— Пять, четыре, три, два, один Подождите, он не подписал завещание!

«Смешно, мудак» — последняя связная мысль в голове Каина вскрикнула и заглохла вместе с остальным шумом.

По телу снова прошел ток. В ушах тонко засвистело. Вспышки с эпилептической скоростью ударили в глаза, как это иногда бывало перед приступом мигрени. Затем резко — небывало глубокий сон в непроглядно черном космосе. Мысли, воспоминания, переживания, ощущение тела и

кресла под ним — все растворилось в величайшем беспамятстве.

Это предсмертный опыт?

Всполохи фейерверков, очертания лиц из разных этапов жизни, образы и интерпретации образов: Каин оказался в арт-галерее собственного бессознательного, где каждый вроде бы знакомый силуэт обрел новый, внеземной вид.

Через короткое время Каин почувствовал, как его куда-то засасывает. Может быть «Метатрон» сошел с ума? Может его возвращают в реальность? А может он уже умер в Сай-Файной мозговой мясорубке?

Плевать!

Глава 5. Иностранец.

Яркие вспышки проталкивали тьму внутрь Каина, сгоняя ее со всех окрестностей вселенной. Голову ломала невыносимая вибрация, — именно ощущение звука, а не сам звук, а конечности не отвечали на попытки хотя бы дернуть пальцем — они даже не ощущались. Паралич только думался писателю. На самом же деле его било в жутких электрических конвульсиях. Запястья и лодыжки были крепко привязаны силиконовыми ремнями к креслу. Из-за чуть приоткрытых век виднелись невесомые ураганы и фантомы, которые при максимально сконцентрированном взгляде принимали очертания живого и неживого, очевидно знакомого, но никогда не конкретного. Каин следил за этими видениями, думая, что умирает.

Судороги закончились одним мгновением, и тело стало наливаться ощущениями. Прохлада кондиционеров шевелила волоски на оголенных предплечьях. Во рту язык прилипал к небу. Руки и ноги саднило от ремней, которых, как он помнил, не было, когда садился в «Метатрон».

Ритмичное мерцание все еще обрамляло виньеткой обзор. Что-то изменилось. Пространство стало восприниматься иначе, оно стало больше, просторнее. Будто жарким летом он один вышел из переполненного жаркого автобуса на пустой тенистой остановке. Мысли приняли другую форму,

стали быстрее и четче, чем прежде, а внезапные фантазии мелькали в сознании готовыми картинками, которые, при желании, можно рассмотреть до микроскопических деталей. Таких ноотропных эффектов он не наблюдал даже после ежовика.

Первая попытка узнавания реальности. Потолок стал другим, не таким пятнистым. Теперь он был цвета яичной скорлупы, и на нем не было источников света. Стены были в тон ему и своей гладкой монолитностью напоминали голый бетон. Окон не было, как не было ламп или диодных индикаторов — освещение исходило из самих перекрытий комнаты. По матовым стенам местами расползались голубые и зеленые вены проводов.

Каина переодели: белый халат необычного кроя с серыми вставками вдоль боковых швов. Он поерзал в кресле, чтобы удержать при себе ускользящее ощущение собственного тела. Мускулатура и суставы оказались непривычно подвижными, будто он не проводил все последние годы по несколько часов в день в одном сгорбленном положении. Словно молодость вернулась к нему спустя двадцать лет.

Кресло под Каином было таким же белым и облачным, однако и оно изменилось: мягкие вибрирующие бугры и выступы вдоль всей спины массировали каждый миллиметр тела. Оно медленно и медитативно надувалось и сдувалось, будто дышало. По нему не расползлось проводов и трубок капельницы. Датчики за спиной не пищали — их не было. На-

лепленная на голову сеть из присосок и металлических проволочек ощущалась же на своем месте и все больше вызывала раздражение.

Наконец, Каин заметил зрителей. Там, где он ожидал увидеть сервера и стекла, не было ничего — ни толпы ученых и инженеров, ни врачей и программистов, ни одного компьютера. Даже кондиционеры отсутствовали, хотя писатель явно чувствовал лицом их прохладный бриз. Было лишь два манекена в халатах, как у него, и с блаженными улыбками.

Они заморгали.

Манекены не двигались. Симметричные андрогинные лица, идеально гладкая кожа, стеклянный взгляд. Они не шевелили ничем, кроме век, хотя в этих фигурах чувствовалась какая-то противоестественная энергия. Будто трупы на отпевании, которым позволили последний раз поиграть в жизнь.

Вдруг они синхронно дернули головами, отчего Каин рефлекторно вжался в кресло. Массажное облако тут же забурлило, пытаясь промять и расслабить каждую напряженную мышцу. Ремни незаметно растворились, оставив после себя только красные потертости на коже.

Писатель попытался сбросить с головы датчики, но нащупал только пару намертво прилепленных к вискам холодных выступов. Он рывком прыгнул с кресла, но не смог совладать с ногами и рухнул на пол. Сел на пол, прижавшись спиной к живому креслу, и смотрел в мертвые глаза наблюдателей.

— Как вы себя чувствуете? — один из манекенов подплыл к Каину и протянул руку. Шапка густых темных волос на его голове напоминала дешевый парик. Голос показался писателю приветливым, даже подозрительно родным.

— Где я? — Каин едва ворочал языком в пересохшем рту. Две сильные руки усадили его в кресло.

— На Земле, если вопрос заключался в этом, — манекен ласково улыбнулся, — В лаборатории «Метатрон», если нужна конкретная локация. В будущем, если речь о времени относительно вашего относительного “вчера”.

Каин снова попытался встать на ноги и чуть не упал, когда кресло решило ему помочь. Конечности были непривычно подвижными и гибкими в суставах. Писатель едва переставлял их, привыкая к новым ощущениям. Он медленно спиной отходил от улыбчивого манекена, но через десять неуверенных шагов чуть не споткнулся об второго.

— Мы чувствуем, вы мыслите о нас, как о людях, — говорил второй манекен, улыбаясь идентично первому. Кожа его лица не заламывалась в морщинах, а рыжая копна волос на голове выглядела натуральнее, чем у товарища, — Спасибо, Отец!

Рыжий манекен положил руку на плечо Каина, развернул лицом к себе и широко раскрыл свои глаза. Их переполняла тьма и пронзающая пустота. Что-то заискрилось. Каин безвольно вторил рыжему и тоже широко распахнул веки. Он почувствовал, будто между ними образовался мост, — ско-

рее даже тоннель или туманная долина, — по которому их разумы установили связь. Писатель чувствовал, как нейроны расступаются, впуская незнакомца глубже в структуры мозга, как он бродит между его областями, фиксирует и устанавливает контакты. Холод — или иллюзия холода — проник под кожу, щупальцами изучая кости, кровь и внутренности. Что-то пискнуло в затылке, и в ушах на несколько секунд зазвенел привычный после детской драки с Яном тиннитус. В шее раздался щелчок, и тепло вновь разлилось по конечностям, выталкивая из тела ледяные манипуляции манекена. Каин почувствовал себя полноценным. Плоть перестала казаться чужой и непривычной. Мысль обрела знакомый вид: волны абстракций, бушующие в хаосе неокрепших фантазий.

— Проприоцепция восстановлена, — голос рыжего раздавался одновременно в ушах и в голове Каина.

— Добро пожаловать, Отец! — темноволосый манекен вскинул руки, будто готовясь к объятиям.

Обниматься Каину не хотелось, и он остался стоять на месте, все еще пытаясь осмыслить происходящее.

Электрические вихри все еще кружили перед глазами после пробуждения. Каин увлекся их хаотичным танцем. Голоса рассудка в inferнальном хоре исполняли разные по смыслу идеи. Писателю казалось, что сейчас самое время для истерики, но ее что-то сдерживало в глубинах так называемой «души». Взрывные эмоции были заглушены, заблоки-

рованы. Каждый умственный импульс рационализировался внедренными извне алгоритмами. Отсутствие внятной человеческой реакции на происходящее пугало Каина, но те же алгоритмы не позволяли ему погрузиться в ужас. Все, что ему оставалось: отдаться предоставленной реальности. Каин умер в прошлом и проснулся в будущем.

ЧАСТЬ 2.

Не нужно нам других миров. Нам нужно зеркало. Мы не знаем, что делать с иными мирами. Хватит с нас одного этого, и он нас угнетает.

— Станислав Лем «Солярис».

Глава 6. Орфей.

Уфа, 2005 год. Помню, в тот год мама купила мне книгу в «Детском мире». Я сидел дома за уроками, и тут она приносит тонкое цветастое издание в твердой обложке. Помню возникшую во мне бурю: я считал себя уже слишком взрослым для подарков из детского магазина. Но именно эта книжка, своей квадратной формой напоминая плитку на полу в ванной, перевернула мою дальнейшую жизнь. Это были «Мифы и легенды народов мира».

Путешествуя по страницам мировой истории, я узнал, что боги Олимпа гораздо интереснее, чем их показали в мультфильме «Геркулес». Что египетская двуединая Баст и Сехмет — самый крутой оборотень в истории. Что Великий потоп — продукт древнего шумерского мировоззрения, а не библейская истина.

В этом небольшом томике заключались ответы на многие мои подростковые вопросы, но в нем же рождались новые. Каждый вечер, закончив с домашними делами, меня утягивало в древние мифы. Заканчивалась глава, и я вновь открывал ее первую страницу, чтобы еще раз насладиться сюжетами. Меня потрясло, как в разных концах планеты люди придумывали такие разные, но такие похожие истории, чтобы объяснить себе непознаваемый мир. Африка, Китай, Месопотамия и прочее — я погружался в прожитые эпохи че-

ловечества так глубоко, как никогда прежде и никогда после. Сто двадцать восемь страниц плотной эссенции далекого прошлого.

На переменах в школе я часто виделся с Диной. В трехэтажном типовом здании было три лестницы, но одна уже вечность была закрыта на ремонт. Окна на дверях к ней были залеплены газетами, замочные скважины заклеены изолентой, а от проникновения внутрь створки сдерживали бумажные пломбы с директорской печатью. Однако мы все же нашли способ незаметно попадать в этот уютный и пыльный уголок свободы. На больших обеденных переменах мы сидели там, на ступенях между первым и вторым этажами, расстелив под собой пустые мешки от сменной обуви. За одну перемену до этого мы закупались столовскими пирожками и пиццами. Лучшие двадцать минут за весь день.

На одну из таких встреч я принес свою любимую книгу.

— Я думала, ты «Мертвые души» читать начал, — разочарованно отреагировала Дина на глянцевые переливы обложки «Мифов...» в ее руках.

— Это лучше! — спокойно ответил я, перебирая в пальцах метеорит, — Да, написано для детей, и приколы там не Гоголевские, но Ты в курсе, что Великий потоп не христиане придумали..?

— А евреи, — перебила она и чуть закашлялась.

— Нет, шумеры! От них сохранился даже самый древний эпос, написанный человеком — и ему уже пять тысяч лет!

Мое дыхание перехватывало собственное волнение, в груди клокотало. Я делился с лучшей подругой самым важным, что было у меня в тот момент; что потрясло меня на многие годы. Она умело изображала интерес, или, быть может, на самом деле была поражена моими рассказами, только не их сутью, а моей страстью и любовью к найденным откровениям.

— Или вот, Осирис, — рассказывал я, — Его родной брат, Сет, подарил ему сундук, запер его там и сбросил в Нил. А когда жена Осириса, Исида, стала искать труп, то Сет нашел его первым, разрубил на 14 кусков и разбросал по Египту, чтобы точно избавиться от родственника. Исида нашла и собрала мужа и, вместе с Анубисом, воскресила его. С тех пор Бог-зомби стал царем подземного мира. Ну круто же!

— Ага, скоро звонок, нам пора

— Еще одну историю! — меня понесло, и я не мог остановиться. Дина смотрела на меня понимающим, любящим взглядом, и я мысленно благодарил ее за терпеливость и то, что она позволяла мне говорить не останавливаясь.

— Орфей и Эвридика любили друг друга, — продолжал я, — Но девушку укусила змея, и она умерла. Орфей не выдержал горя и спустился в Аид, чтобы вызволить любимую. Он, талантливый музыкант, очаровал своей игрой на лире сначала Цербера, а потом и самих адских супругов Аида с Персефоной. Повелитель подземного мира согласился отпустить Эвридику, но было условие — она будет идти за ним

к выходу в считанных шагах, и если Орфей хоть раз на нее обернется до того, как они выйдут к свету солнца, девушка навсегда останется среди мертвых. Они поднимались минуты, часы, дни. Уже к самому концу Орфей не выдержал и оглянулся — и тень Эвридики исчезает в пещерах царства мертвых.

— Ну и дурак, — улыбнулась Дина, — Зато романтично.

— Я бы в первые секунды оглянулся, если бы ты шла за мной.

Тишина, если не считать топоты и крики из школьных коридоров за дверью, резко оглушила обоих. Зря я это сказал.

Раздался звонок на урок.

— Антракт закончился, по партерам! — она ясно и ярко улыбнулась, сверкнув изумрудными глазами, и всякая неловкость растворилась в этой последней минуте нашей посылки.

Мы собрали вещи и направились к двери на третьем этаже — туда, где сидят начальные классы, и где нас не обнаружат наши учителя и классные руководители. Первой шла Дина, я поднимался следом, старательно глядя ей в затылок. Шея болела от напряжения, но я хотел, чтобы она обернулась, чтобы мы встретились глазами. В то же время сердце стискивал страх, что одним многозначительным взглядом она припомнит мою недавнюю реплику. Она обернулась — и страх улетучился. Ее нежное лицо, ее зеленые глаза заискрились радостью и дружеской любовью. По моему телу разлилось теп-

ло.

Ян учился с Диной в одном классе. Не удивительно, что на следующей перемене я увидел их вместе. Они стояли у окна напротив своего кабинета, опершись полами об узкие белые подоконники. Плечами они касались друг друга. Вдвоем они над чем-то тихо смеялись, и Дина корпусом легонько толкала его в стену от особенно интересной остроты. Я чувствовал шторм в груди, а сердце сотрясали толчки спорящих друг с другом эмоций. Нам обоим не нравился Ян еще с тех пор, когда он был «президентом» детской площадки. Мы смеялись над ним, даже когда не находили очевидных причин, просто чтобы посмеяться. Мы фантазировали о том, как лучше напакостить ему. И вот она стоит и смеется — но уже с ним, а не над ним!

Ян нежно приобнял Дину за талию, как бы помогая встать с подоконника, но не сразу убрал руку. Дина будто и не заметила этого жеста. Они зашли в кабинет, а я все еще стоял и смотрел на их призраки у окна, перематывая и воспроизводя увиденное снова и снова. Я пытался понять на сколько честна со мной Дина и как крепка наша связь. Обида и злость взяли штурвал в свои руки, отобрав у меня контроль над собственными действиями.

Я сказал гардеробщице, пухлой и пахнувшей луком, что потерял ключи от квартиры, и что мне нужно проверить карманы куртки. Она пустила меня в лабиринт тканей и влажных ароматов подростковых курток. Я сделал вид, будто

ищу по металлическому номерку крючок со своей одеждой. Пальто Яна пахло духами, но было в катышках и чуть запачкано грязью у подола. Я просунул руку со сложенным тетрадным листом в глубокий карман. Там же нащупал немного мелочи и маленькую дырку, в которую уже провалились какие-то копейки. Затем достал из кармана собственных брюк ключи от дома и вернулся к гардеробщице. Притворился что нашел ключи, поблагодарил ее и пошел отсиживать последний урок — башкирский язык.

— У меня есть для тебя сюрприз, — сказал я Дине в конце учебного дня, пока она переобувалась на скамейке на первом этаже, — Но нужно подняться в мой класс. Жду там.

— Десять минут подожди, — ответила она, не до конца успев понять что сейчас произошло.

Я широкими шагами — даже прыжками — добрался до второго этажа, до кабинета русского языка и литературы. Забежав в него, сразу же схватился за ключи от двери на столе учителя и силой прогнал дежурных одноклассников, которые успели только отмыть доску. Быстро сложил еще один тетрадный лист в гармошку и обвязал ниткой, чтобы получилось что-то похожее на кошачью игрушку. Отошел в туалет, где наполнил два латексных напальчника водой: сделал из них бомбочки, чуть расплескав ледяную воду по полу и школьной форме. Когда Дина пришла, задержавшись больше, чем на десять минут, все было готово.

— Что придумал?

— Тебе понравится, — я улыбался так, что, кажется, напугал подругу.

Тяжелая деревянная рама окна с трудом и с треском съехала с места. Стыки были залеплены ватой со скотчем, и, пока весна еще была слишком холодной, ни руководительница, ни ученики не торопились срывать самодельное утепление с окон. Я перевалился через подоконник и посмотрел вниз. Спустил на ниточке свою кошачью игрушку. Снизу дернули. Я вручил Дине одну из бомб и поставил к окну.

— По моей команде. Только вниз не смотри.

— Холодная Ты что задумал? — Дина верила мне безоговорочно, поэтому даже не пыталась отказаться от непонятной ей затеи.

— Три Два Один

Бомба рванула вниз и ударила точно в цель. Пальто Яна мгновенно вымокло. Он посмотрел вверх. Мы посмотрели на него.

— Ты дурак? — Дина прикрикнула на меня и силой толкнула в плечо, так что я ударился ногой об угол ближайшей парты.

— Мы же давно хотели сделать что-то такое!

Я взял вторую бомбу и кинул следом. И снова точно в цель!

— Фу, блядь! — раздалось снизу, — Я сейчас поднимусь и шею тебе сломаю на хуй!

— У нас есть два варианта, — спокойно говорил я шоки-

рованной Дине, — либо мы запираемся здесь, и нас через пару минут открывает охранник с водолазом, либо мы бежим на нашу лестницу и уходим незамеченными и непобежденными.

Дина посмотрела на меня глазами, полными злобы, и убежала из кабинета. Хороший выбор. Я двинулся следом, запер дверь на ключ и побежал на третий этаж. Там, на «взлетке», Дина уже почти добежала до закрытой лестницы. На нижних этажах слышались агрессивные шаги Яна. По началу все было по плану: он безуспешно долбился в мой классный кабинет этажом ниже, а мы прятались. Но Ян этот план не знал, поэтому дернул дверь лишь пару раз, и сразу поднялся к нам, на звук моего бега и неудержимого смеха.

По закрытой лестнице я спустился до первого этажа, где в темном углу рядом с аварийным выходом сидела Дина. Я попытался ее обнять, но она оттолкнула меня и отвернулась.

— Да все нормально будет!

— Ты debil, ты скажи? Что тебе Ян сделал? Что тебе я сделала, раз ты решил меня подставить?

— Мы же

— Не прикрывайся этим “мы”! Тут только “ты”! — она почти рычала.

— А чего ты с ним обнимаешься!

Дина покраснела ни то от злобы, ни то от смущения.

— Малолетка!

— Ты меня только на год старше, — пытался отвечать я.

Возбуждение и адреналин спали, и я ощутил страх и стыд, которые сменяли ревность и агрессия. Я как мог сдерживал свои мысли за зубами, чтобы на эмоциях не сделать ситуацию хуже. Я не чувствовал себя неправым.

Дверь на лестницу будто выломали: все трещало и дребезжало. Деваться было некуда — до нас не дошло, что мы можем просто убежать, пока есть время. Ян за секунду телепортировался до нас. Дина и я побледнели.

— Не ожидал от тебя, Дин, — Ян говорил обманчиво спокойно. Кулаки его сжимались до белых костяшек. Дину начало трясти.

— Ян-обоссán! — выкрикнул я, будто это было мое последнее слово перед казнью на эшафоте.

Ян сделал шаг в мою сторону, готовясь ударить.

Дина закашлялась. Сильно и бесконечно долго.

Ян прошел сквозь меня и нежно взял за плечи нашу подругу. Он пытался узнать что с ней. Я воспользовался моментом и побежал вверх по лестнице. На этот раз ничто не заставило бы меня оглянуться на Дину — наверное поэтому в тот день я потерял ее навсегда.

Миф об Орфее обманул меня.

С того дня Дина перестала ходить в школу. Уже потом я узнал, что она ее сменила, а вскоре и вовсе ушла на домашнее обучение. Она не отвечала на мои звонки и сообщения. Не открывала мне дверь, когда я приходил к ней в гости. Она пускала к себе только Яна.

Кличка «Ян-обоссан» так и не закрепилась за ним.
А я потерял лучшую подругу.

Глава 7. Иггдрасиль.

Каин стоял на возвышенности — трудно сказать, искусственной или естественной, но с идеально ровной каменной поверхностью и резким прямоугольным обрывом — и смотрел с высоты облаков, как внизу пульсирует бионическая жизнь.

На одном уровне со смотровой площадкой, в самом центре поселения, раскинулась крона причудливого дерева. Словно корни ясеня, толстые кабели впивались глубже в почву, сплетались в узлы, сливались и расходились в стороны, чтобы в конце концов выстрелить сталью и резиной в небо, где разноцветные всполохи электричества и инфракрасного излучения оформили шапку исполинского Древа Жизни.

— Это цех рождения, — говорил темноволосый манекен, Хугин, — Когда подходит время, провода и микросхемы у основания расступаются, создавая узкий родовой проход, чтобы в мир явился новый андроид.

— Мы рождаемся и умираем, — продолжил рыжий, Мунин, — Прямо как люди. Только мы совершаем выбор делать и то и другое. Например, мы записываемся на смерть и ждем случая, когда она произойдет. Как только кто-то из анROIDов умирает, его тело утилизируют, а Древо Жизни рождает на освободившееся место новую личность, сформированную

из случайных людских черт «Метатрона».

— Поэтому для нас вы — Отцы, — заключил Хугин.

— И вы считаете себя людьми? — Каин пытался бороться с неестественной алгоритмичностью собственной мысли и выбирал вопросы как можно проще, чтобы самому не путаться в запросах и внезапных ответах. Искусственный мозг со структурным мышлением удивительным образом усложнял задачу, собственно, мыслить.

— Мы и есть люди, — Хугин улыбнулся фальшивой улыбкой, — Наше сознание — что коллективное, что индивидуальное, — результат лотереи «Метатрона», а «Метатрон» — это последний настоящий человек на Земле.

— У людей не было коллективного разума

— А интернет? — вступился Муин, — Коллективный разум для нас выполняет ту же самую роль, что всемирная сеть в двадцать первом веке. Только без оптоволоконных посредников.

— Мы — дети человека, — вновь вступил Хугин, — Но, тем не менее, мы модернизировали многие вещи, за которые держались Отцы. Общий поток мысли и обязательная летопись нашей жизни на серверах «Метатрона» хорошо дисциплинируют в этом вопросе

— Или дарят божественные откровения, — закончил Муин.

— Вы религиозны? — спросил Каин.

Они отошли от смотровой площадки в окружавший их

лес. Девственная природа, не пораженная опухолью человечества, не рябила линиями электропередач, не лысела деревьями и частными домами. Холмы клубились зелеными насаждениями. Даже уровень кислорода в воздухе был на два процента выше, чем при жизни Каина, а надо было всего лишь избавиться от одного вида приматов!

— Отцы — наши Боги, — сказал Муни.

— А кто для вас я?

— Точно не Каин Исаков. Вернее, не в привычном понимании, — Хугин добродушно искусственно посмеялся, — Восстановленная копия его разума в специально выращенном для этого теле. В вас больше биологического, чем в андроидах, но вы все же меньше Homo Sapiens, чем были до сканирования мозга «Метатроном». Может быть, сейчас вы даже ближе к нам, Homo Electronic.

— То есть, не Отец.

— Копия Отца, — Хугин положил руку на плечо писателю.

Они шли по пологому склону, но Каин не чувствовал напряжения в ногах, как в принципе и усталости.

— Что случилось с людьми? — вновь спросил Каин.

— Долгая история, — стеклянные глаза Хугина заискрились по-новому, — Можно назвать это эволюцией. Homo Electronic стали светом во тьме Апокалипсиса. Мы спасли планету и память о человечестве. Мы сохранили «Метатрон».

«Я спросил не об этом» — подумал Каин, но промолчал. Возможно, ответ он получит чуть позже, когда разум больше окрепнет.

Экскурсоводы привели Каина на улицы города. Двухэтажные строения обрамляли широкие пешеходные трассы, уставленные скамейками и молодыми деревьями. Писатель всегда фантазировал о мегаполисе будущего, как о мрачном, пронзенном небоскребами эпицентре депрессии и удушающего смога. На деле электроники отказались от многого, о чем грезили современники Каина, и улучшили то, о чем их предки даже не задумывались. Безрельсовое метро — единственный городской транспорт. Дома не выше десяти этажей, и чаще росли они под землю — экономия места, счастье открытого неба и защита от землетрясений. Всюду естественная зелень и заповедные зоны с дикими и домашними зверями. Воздух чище, чем до индустриализации, но в небе не было птиц. По тротуарам пробегали редкие тараканы.

Каин со спутниками сели на скамейку в небольшом парке посреди оживленной пешей улицы. Некоторые андроиды без стеснения оглядывались на Каина. Единицы осмеливались пройти совсем рядом и соприкоснуться осязаемой энергией с Отцом, на что получали агрессивные взгляды Хугина и Мунина: второй также использовал на некоторых свой «туннельный взгляд». Это напомнило Каину его путешествия по азиатским странам, где местные ребяташки, ни разу до этого не видевшие европейца, смотрели на него, как на уродца.

— Прости их, Каин, — говорил темноволосый Хугин, — Ты первый воскрешенный прародитель, и они хотят получить хотя бы крупицу твоего внимания, почувствовать электрическую ауру Отца.

Девушка в десяти метрах от них приоткрыла рот, ровным и четким движением заслонила его ладонью, затем ритмично и со звуком завибрировала всем телом, не меняя выражения лица. Она явно желала показать Каину благоговейный страх, но вышло плохо, как первая связка движений у начинающего танцора. Андрогинный мужчина, — если выпирающие из узких брюк гениталии являются мужскими, — словно в нервном припадке крутил шеей, заглядывая каждому прохожему в глаза и кивая в сторону писателя. Один даже нахмурился, посмотрел в сторону Каина, а затем резко отвернулся, задрал лицо кверху, будто какой-то до-андроидный сноб.

— Они все похожи, но все разные, — задумчиво произнес Каин, — Я вижу пустоту в их глазах, вижу натянутую кожу без недостатков, вижу попытку имитации эмоций — пародию на человека. Но, в то же время, каждый обладает какой-то очаровательной неповторимостью.

— После гибели человечества нам предстояло восстановить города и культуры, — говорил Хугин, — Но культура — это человек, значит нам нужно было вернуть и его. Две руки, две ноги, голова Это не просто прихоть. Это наследство от Отцов, и сохраняя его, мы оберегаем память, чтим великих создателей «Метатрона». Древо Жизни, наш Цех Рождения,

запрограммирован выдавать в мир людей и только людей.

— Вы создаете искусство?

— Мы восстанавливаем то, что было до нас, чтобы жить так, как жили вы. С небольшими исключениями.

Каин встретился взглядами с Мунином, и андроид связал их разумы бесплотным туннелем. Писатель почувствовал, как что-то внутри переключилось. Пропало ощущение тела, зрение. Последним исчез слух. Он оказался заперт в абсолютной тишине и темноте. «Это смерть?» — безмолвно спросил он сам себя.

Не прошло и секунды этой вечности, как органы чувств вновь обрели жизнь. Свет ударил в закрытые веки. Он оказался под гигантским прозрачным куполом, собранным из восьмигранных кусочков прочнейшего стекла, и смотрел на Солнце, которое было ближе, чем когда-либо. Каин оглядел помещение, в котором оказался. Это была очередная смотровая площадка, где не было ничего, кроме самого купола, каменных скамеек и шумного устройства, по виду напоминавшего симбиоз лифта и печи. Из него выходили и заходили электроники. Хугин и Муниин сидели на продолговатом камне по обе стороны рядом с Каином.

— Полдень на Меркурии, — темноволосый выглядел немного иначе, на поверхности лица и рук появились неаккуратные стыки и швы, — Как вам?

— Что произошло? — язык едва барахтался во рту, словно магнитом прилипал к небу и щекам.

— Мы можем мгновенно перемещать свое сознание в резервные оболочки на колонизированных планетах Солнечной системы. Ваша оболочка — единственная. Поэтому, чтобы не томить вас многомесячным путешествием, мы решили на это время ввести вас в транс. Так как вам нравится на Меркурии?

— Здесь

— Человечество так и не высадилось на соседних планетах, — перебил рыжий Муни́н. Его слишком подвижная голова дергалась, как от болезни Паркинсона, — Зато это сделали мы.

— Здесь как-то пусто, — закончил мысль Каин.

За пределами купола была лишь беспроглядная долина кратеров и разлагающихся под солнечной радиацией груд мусора.

— Здесь есть смотровой купол «Хермод», — ответил Хугин, — На большее ресурсов у нас пока нет.

— Может, и не надо это все? Что дадут вам эти новые территории?

— Гордость Отцов! — неожиданно выкрикнул Муни́н.

Каин по очереди посмотрел на своих экскурсоводов. Они самозабвенно изучали горизонт пустынной планеты, и в их глазах будто даже перемигивалось что-то человеческое, фанатичное. Он не решился ответить им вслух, что ему, как Отцу, абсолютно все равно до покорения Меркурия. У них есть целая Земля, которую можно не только реставрировать

после апокалипсиса, но и дальше улучшать ее, создавать там что-то новое. Необоснованное желание быть как люди определенной эпохи и не стремиться быть как электроники для Каина казалось каким-то нездоровым порывом. Если вы — лучшая версия человека, то, по логике вещей, не нужно пытаться жить его худшим прошлым.

— В этом мире есть исторические артефакты человечества? В мое время были останки вавилонских зиккуратов, египетских пирамид и всяких храмов.

Хугин и Мунин посмотрели друг другу в глаза и, не обнаружив никаких эмоций, вновь усыпили писателя.

С высоты двух километров на парящей платформе Каин не мог разглядеть на земле ничего необычного. Если, конечно, не считать полнейшего запустения североамериканского континента: ни паутин дорог, ни скоплений городов, ни даже андроидов. Лишь густая зелень и кипящая жизнь дикой природы.

— Где Соединенные Штаты будущего? — полушепотом спросил писатель, — А Канада? Они проиграли Апокалипсис?

— Беда этой местности находится немного глубже, — сказал Хугин, который, как и Мунин, снова был в уже привычном земном теле.

— Не понимаю.

— Еще в начале двадцать первого века люди обнаружили в штате Орегон крупнейшее и старейшее живое существо

на планете. К тому моменту ему уже было две тысячи лет. Уничтожить его было невозможно, и оно уничтожило континент. Расцвет природы под нами — это иллюзия. Бессмертному существу хватило мозгов на большой обман. Ниже мы не спустимся. Это, конечно, не опасно, но лучше сохранять осторожность.

— Что это? — Каин всматривался в густоту лесов, пытаюсь разглядеть в них исполинского монстра, которого успел представить.

— Опенок.

— Гриб?

— Не просто гриб, а разросшийся от океана до океана мицелий, питающийся местной растительностью и грунтовыми водами, — Хугин будто погрузился в прошлое, и перед его глазами крутилось кино воспоминаний, — За сотни лет он мутировал, стал умнее, организовал себе сельское хозяйство и теперь самостоятельно выращивает пропитание. Человеку там нет места, а технологии легко заражаются вирусными спорами. Я лично видел больных, у которых из-под искусственной кожи прорастают бледно-коричневые шляпки андроидажных опят. Ризоморфы поглощают внутренности андроидов, превращая их в компост. Темный опенок не очень любит питаться всякой техникой, но достаточно ясно намекает, что не ждет гостей на своей территории. Что ж, это Америка.

— И вы решили оставить все как есть?

— Нужно возвращаться, — Мунин подключился к разговору, — Скоро сеанс интерпретации.

— Подключимся отсюда, — ответил Хугин.

Манекены синхронно сели в позу лотоса и закрыли глаза, ничего не объяснив писателю. Платформа развила скорость в сотни километров в час и полетела в сторону дома. Провожая взглядом погибшую Америку, у Каина в голове болтался лишь один вопрос, странным образом не связанный с увиденным:

— Почему «Отцы», а не «Матери» или «Деды»?

— Потому что это термин, основанный на загруженных в «Метатрон» знаниях, — резко и монотонно ответил Хугин, так что у Каина дернулось что-то на месте сердца, — Мы не различаем гендер или возраст, но вы всю свою цивилизацию строили на этих различиях, так что логичным образом они в какой-то степени просочились и к нам. Это самый верный вариант, по меркам человека, назвать так Бога.

— Я не помешал сеансу?

— Я могу отвечать на автопилоте. Мунин не может. Особенности сборки.

— Что такое этот ваш сеанс?

— Осмысляем фрагменты «Метатрон». Расширяем границы понимания человеческой природы, чтобы лучше быть людьми. Если переводить в привычную вам плоскость: слушаем проповедь на основе текста из священного писания, поучительно интерпретируемого избранным на сегодня пас-

тором.

Дальнейший путь они летели в тишине.

Глава 8. Дхарма и Майя.

Хугин и Мунин оставили гостя из прошлого в заповеднике древних культур, а сами ушли по неотложному делу. Личная встреча существ, которые могут общаться друг с другом телепатически, — архаичный ритуал, доставшийся им от «предков». Электроники поражали Каина симбиозом рациональности машин и тягой к наследованию бесполезного.

Кривые, под старину, мощеные улицы с резкими перепадами высот и скользкими лестницами обрамлялись деревянными постройками. На горизонте виднелась большая вода, а до слуха писателя докатывались удары невысоких волн о гладкие камни берега. Воздух был соленый и освежающий. Каин протянул руку к одному из домов, и стены слегка прогнулись от его прикосновения, словно туго натянутый баннер из очень плотного полиэтилена. Он постучал костяшками по настилу дороги — и камень ответил ему звонкой пустотой.

Намеренно ли электроники воссоздали мир человечества таким образом, или именно так они себе его и представляют — искусственным, пластиковым, безыдейной оболочкой времени? Это такое почитание блеклой памяти предков, или же карикатура на «Отцов»?

Каин прошел дальше, за пределы «европейской деревни», и увидел вдалеке силуэты пирамид, исполинских статуй и

остроконечных небоскребов. Большая часть этих памятников раз в несколько секунд искажалась глитчами и помехами, обнаруживая свою голографическую природу. Бурдж-Халифа мерцала и подергивалась чаще других.

История Homo Sapiens теперь всего лишь иллюстрация в интерактивной энциклопедии, кривая имитация былой жизни. Даже память лучших умов человечества, запечатанная в цифровом рассудке «Метатрона», оказалась неидеальной. Ее легко можно было исказить временем и недопониманием. «Сеансами интерпретации», что бы это ни значило. Наверняка Каин и сам точно так же искажал в своей голове происходящие с ним события, когда был человеком в полном смысле слова. Шопенгауэровская истина созерцания существовала только в сознании субъекта.

Прошлое будоражит неопределенностью, будущее угнетает воображение, а настоящее

Кошка! Черная, пушистая, грациозная. Она разгуливала по окрестностям заповедника, не обращая никакого внимания на лживость окружающего ее города. Обходила голограммы, чесала бока о мягкие углы домов и точила когти о пластиковый газон. Она приняла этот мир. Стоит ли Каину сделать то же?

Он внимательно следил за животным, усиленно пытаясь разглядеть в нем очередную неправду, артефакт генерации. Но чем больше он наблюдал за движением мохнатых ушей, хвоста, за необъяснимыми порывами бега и прыжков, тем

более живо стучало его бионическое сердце: до ритмичной дрожи в синтетических руках. На мгновение он почувствовал, как алгоритмическое мышление мозга отходит на второй план перед чистотой созерцания. Он увидел жизнь, и снова был живым.

— Один здесь гуляешь?

Юный женский голос раздался за спиной Каина. Он звучал откуда-то из-за пределов времени и пространства. Знакомый и забытый. Родной и совершенно чужой. Каин обернулся. Голос обрел лицо. Ужас расползлся по писателю от затылка, по спине и к пяткам. Он отступил на шаг, боясь упасть на землю от нахлынувшего головокружения. Он будто стал сторонним зрителем над своим телом и его действиями; будто разум оторвало от удерживающей его материи, и теперь Каин призраком витал над головой онемевшей оболочки.

— Скажи что-нибудь. Или лучше обнимемся? — говорил голос, управляя губами девушки. Она раскинула руки.

Каин едва собрался с мыслью.

— Привет, — сказал он неуверенно.

Девушка громко вздохнула и одним рывком оказалась возле него. Мгновение, и она уже сжимала мужчину в объятиях.

— Привет, Дина, — он снова поприветствовал девушку и крепко обхватил ее плечи. В висках что-то неприятно завибрировало. Горло схватила судорога.

— Привет, — ответила Дина ему в грудь.

— Как ты здесь оказалась?

— Благодаря тебе. Спасибо за путешествие.

Они отпустили друг друга. Каин внимательно рассматривал подругу детства. Такая же, как в последний день их встречи: те же шестнадцать лет, та же прическа, тот же взгляд. Это не она. Но как же хочется поверить в эту иллюзию!

— Я знаю, о чем ты думаешь, и сейчас все объясню, — она присела на оказавшийся рядом пластиковый валун, — Когда «Метатрон» отсканировал твой мозг, в систему попали воспоминания обо мне. Мой образ в твоём восприятии. Разработчики отсканировали твои книги, в которых я иногда была прототипом сильных женских персонажей (спасибо!). Плюс всякие фотографии, видео, документы — и вот она я! — она снова встала на ноги, отвела руки в стороны и покрутилась на месте.

— Иллюзия

— Помнишь «Евангелион»? В каждом человеке хранится образ тебя — и он такой же реальный, как твой собственный образ внутри тебя.

— Ты смотрела «Евангелион»?

— Ты смотрел. И думал обо мне в это время.

— Для чего ты здесь? — грубо спросил Каин. Дина нахмурила брови.

— Кто-то же должен быть твоим провожатым, если Хугин

и Мунин на собрании.

— Это все как-то не правильно.

— А что правильно? Галлюцинации искусственного интеллекта вместо памятников? Манекены, переодетые в людей? Манекен, созданный манекенами по выловленным из общего бульона крупицам памяти ради развлечения самого этого монстра Франкенштейна?

Каин подумал о том, что только он называет электроников манекенами — и только у себя в голове. Он такой предсказуемый? Дина читает мысли?

— Я просто знаю тебя, дурак, — она улыбнулась, как когда-то в прошлом, и сердце Каина вновь ударило в горло, — Смотри, кошка! — Дина указала куда-то за спину Каина, — Поймаем ее!

Прыть молодой заместительницы электроников удивила Каина. Ловко и быстро она перемахивала через преграды, срезала дороги, взбиралась по мягким невесомым стенам экспонатов. Но больше всего писатель удивился сам себе: он ни в чем не уступал Дине. Однако черной кошке все же удалось скрыться в прозрачных тенях зданий.

— Как дела-то? Столько лет не виделись, — спросила Дина, когда они устроились на вавилонских развалинах, залитых жарким светом прожекторов и присыпанных песком.

— Ты и так все знаешь, — Каин смотрел на горизонт, где Эйфелева башня будто подпирала Статую Свободы.

— Я только образ из твоей памяти, но не сама память, —

она положила руку на его колено, и они встретились глазами,
— Поговори со мной.

Внутри боролись чувство отвращения ко всей этой происходившей иллюзии и желание быть ею проглоченным. Воскресшая в сердце любовь и доверие к знакомым человеческим очертаниям побеждали.

— С чего начать? — он почесал подбородок и на мгновение испытал испуг, забыв, что бороды в этой реальности у него нет.

— Кем работаешь? Ты вроде как на гитаре играл. Музыкант?

— Нет. Писатель.

— Точно, точно, — натуральные уважение отразилось на ее лице. Каин улыбнулся ее наивному виду.

— Можно сказать, что ты нашел себя? Это твое предназначение? — она смотрела на него в упор.

— Получается неплохо, как мне кажется. Книжки покупают покупали. Но не знаю. Иногда включается синдром самозванца. А потом я начинаю думать, что синдрома никакого нет, и я на самом деле самозванец. Как-то так.

— Ты молодец, — она улыбнулась и похлопала Каина по руке, — Тебе одиноко?

— В каком смысле?

— В самом прямом.

— Теперь, кажется, нет, — ответил Каин после недолгого молчания. И сразу же поник.

Кошка вновь вышла из тени. Дина первая заметила ее и сорвалась с места, забыв о Каине. Зверь скрылся за очередным поворотом.

— Чего сидишь! — Дина обернулась к Каину, и он побежал следом за подругой.

Они пересекали эпохи, страны, океаны. Восстановленные до миллиметра чудеса света сменялись обезображенными останками веков: только на воспроизведение исторической смерти хватало знаний великого «Метатрона». Архитектура, живопись и литература фрагментами сцеплялись друг с другом в хаотичные лабиринты человеческой мысли. Первобытные копья — заточенные деревянные шесты — превращались в порох, а затем в исполинские огненные грибы Хиросимы и Нагасаки. Кошка оказалась на самом верху хрупкой копии статуи Марка Аврелия, откуда согнать ее было невозможно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.